

ЗАМЕТКИ О ТИПОЛОГИИ НАМЕКА

В. З. Демьянков

Институт языкознания РАН
vdemiank@gmail.ru

1. Введение

Если верить психологии, поисками смысла жизни люди занимаются, достигнув определенной зрелости. Смысл же высказывания, и не только о жизни, профессионально интересует лингвистов и философов языка. Когда такой смысл живым в руки лингвисту не дается, приходится препарировать продукты языковой деятельности и реконструировать ход рассуждений, на который, не всегда добровольно и бескорыстно, намекает автор речи.

И. М. Кобозева (Кобозева 2007), опираясь на более раннюю публикацию Кобозева, Лауфер 1998, «намок(ание)» определяет как форму косвенного выражения смысла, применительно к тому случаю, когда «он кодируется с помощью языкового знака, конвенционально предназначенного для выражения другого смысла, называемого буквальным смыслом (= языковым значением) этого знака». Намекам в этой концепции присущи: вербальность, коммуникативная интенциональность, косвенность, а также выводимые из других признаков обоснованность и выводимость.

В английском языке есть несколько лексем, соответствующих русскому слову *намок*, из них наиболее обычны три — *cue*, *hint*, *allusion*; к ним примыкают *suggestion*, *intimation*, *indication*, взятые в переносном смысле, каждое со своими оттенками и отличительными признаками. Далее мы кратко обрисуем употребление первых трех в лингвистической литературе, посвященной непрямому смыслу языковых выражений.

2. Английское *cue*

Как показывает Bennett 1978, в дискурсе намеки (*cues*) рассматриваются в контексте таких пар понятий, как «форма и содержание», «знак и значение», «означающее и означаемое». Фундаментом для их истолкования является теория значения Дж. Локка, в которой предполагается, что наблюдаемые вербальные и невербальные действия регулярно «соответствуют» идеям

в воспринимаемом мире человеческого сознания. Мнения, фигурирующие в таком мире дискурса, неназойливо рекомендуют или назойливо предписывают, намекая на определенное «прочтение» высказываний в конкретных ситуациях дискурса (ср. «are often conceived of in a form–content, sign–meaning, signifier–signified framework which presupposes something like a Lockean theory of meaning in which manifest behaviors, verbal and nonverbal, are said to 'correspond' in rule–governed ways to ideas in a conceptual world somehow contained in the mind. This is an expected bias for those scientists who feel their main concern should be with empirical validation of hypothesized consistencies in some observed body of data. Cues in conversation or other forms of human discourse would in this way 'convey' or even 'force' a particular 'reading' which is the meaning or content that cue is associated with independently of its actual use in specific discourse situations. In fact a cue's ability to, as it were, 'contain' some piece of a conceptual world – as if cues were packages containing bits of information – is what would in this view distinguish a particular phenomenon as a cue», (Bennett 1978: 570)).

Главным потребителем такого намека в дискурсе выступает непосредственный адресат дискурса. По такому «намеку» устанавливаются, в частности (Bäcklund 1989: 30–38):

- маркеры динамики дискурса, составляющие логические переходы рассуждения — лексические единицы типа: *но, тогда, but, now, well*, вопросы, завершающие клише, оценочные суждения и т. п.;
- маркеры усиления и подтверждения (markers of reinforcement), типа *this means* «иначе говоря»;
- обзор достигнутых результатов диалога и «взгляд в будущее».

То, что делает текст самодостаточным, подается с помощью определенных речевых приемов, называемых контекстуализирующими намеками (contextualizing cues). Так, представитель англосаксонской культуры испытывает трудности с восприятием дискурса на китайском языке не столько из-за синтаксических сложностей языка самого по себе, сколько из-за непривычности подачи текста, затрудняющего контекстуализацию. А именно, по (Young 1980: 224), изложение по-китайски может показаться неуклюжим и размытым, когда реальная цель называется только после сравнительно длинного (по «европейским» меркам) предисловия, объясняющего предысторию, причины и предпосылки для некоторого положения дел: собеседник начинает слишком издалека и излагает предшествующую жизнь. Из-за таких различий в технике структурирования информации дискурс из другой культуры кажется неуместно подробным. Однако это свойство — результат стремления к «кооперированности» (в смысле П. Грайса), предоставления собеседнику максимума требуемых сведений в опоре на

ресурсы здравого смысла. Китайский говорящий берет на себя труд облегчить понимание, снабжая собеседника всей необходимой информацией и успокаивается, только убедившись, что у собеседника все это уже есть. «Европейская» же логика изложения более формальна и буквалистична (ср.: «The different ways of structuring information receive different valuations in these cultures. Viewed callously, the Chinese discourse appears imprecise, unwieldy and downright inept. Cast more charitably, it is seen to emphasize cooperation, prudence, and clearheaded caution» Young 1980: 224). А стремление не навязывать свое мнение приводит к тому, что адресат видит, как в конечном итоге могла бы выглядеть целевая картина мира, но не всегда понимает, что с этим ворохом информации делать и каких дальнейших действий от него ждут.

Важную «намекающую» роль в такой контекстуализации играют вербальные и невербальные маркеры, а также их количественное и качественное соотношение: избыток жестикюляции иногда кажется неуместным и не столько намекает, сколько активно навязывает предвзятость. Важную роль в интерпретации намеков играет соответствие принятым социальным нормам. Например, во многих обществах ограничено допустимо критиковать поведение присутствующих коммуникантов, особенно более старого возраста, и в разной степени уместны прямые замечания младшим. Чересчур прозрачные намеки на коммуникативную несостоятельность собеседников, впрочем, прорываются через произвольные невербальные действия, такие как: телесные кинетические и паракинетические маркеры, выдающие уверенность и/или сомнения в своей и/или чужой правоте, проксемика — близость или удаленность коммуникантов в пространстве, выражение лица и/или направление взгляда, просодическая динамика и др. (Wallat 1984: 27).

Намеки в диалоге (conversational cues), соответственно, определяются как внешне воспринимаемое вербальное и паравербальное поведение, включая весь спектр языковых и параязыковых средств, таких как выбор лексики, шаблоны и клише, просодия (контур высоты тона, окраска гласных, ритм, ударение, регистр высоты тона), а также невербальные сигналы (такие как кивки и направление взгляда). Интерпретируемые на фоне синтаксического и лексического репертуара, эти сигналы выполняют две функции: (1) контекстуализируют дискурс, указывая на подходящую схему, или сценарий, поведения, (2) предоставляют информацию о том, к чему дискурс привязан тематически, выделяя такие элементы речи, как значимость, контрастная эмфаза, новая vs. старая информация, перспектива, или смена топика речи («a range of linguistic and paralinguistic phenomena, such as lexical choice, formulaic utterances, prosody (including pitch contour, vowel coloration, rhythm, stress, pitch register), as well as nonverbal cues (such as nodding and eye—

gaze direction). When interpreted in relation to syntactic and lexical choices, these cues serve two functions: (1) they contextualize discourse, signaling what the appropriate schema is, (2) they provide information about how the discourse is tied together thematically, signalling such things as salience, contrastive emphasis, new versus old information, perspective, or topic shifts», (Michaels, Reier 1981: 180)). Все подобные «подвижки» в общении называются также *conversational cueing* «намеkanie в разговоре».

Когда коммуникант чувствует, что намек «не дошел» и/или что намекающие сигналы не эффективны, не выполняют своего предназначения, констатируется аварийный сбой (failure cue). А на «сбойных участках» (failure sequences) начинаются «ремонтные работы» («the occurrence of a failure, the recognition (or suspicion) of a failure by the listener, the emission of a failure cue by the listener, the identification of the failure, and the repair work that may be made by one or both parties», Ringle, Bruce 1982: 212). Бывают имплицитные и эксплицитные сигналы о сбое, последний случай включает, по (Ringle, Bruce 1982: 212):

1. Пояснение (*point of extension*): слушатель подхватывает мысль, высказанную говорящим, и продолжает ее так, как, по его мнению, ее продолжил бы говорящий. В частности, смысл сказанного расширяется или сужается.
2. Оглашение («озвучивание») логического вывода (*inference assertion*), выводимого из дискурса говорящего, но не обязательно связанного с обсуждаемой в данный момент темой.
3. Констатация аналогии (*analogue assertion*): слушатель пытается провести аналогию между точкой зрения говорящего и чем-то еще, что, по его мнению, знакомо говорящему и что одинаково понятно всем коммуникантам.
4. Краткое изложение или парафраз (*summary* или *paraphrase*): слушатель резюмирует основные моменты последнего «выступления» говорящего.
5. Прямое утверждение (*direct assertion*) или вопрос: в дополнение к «косвенным намекам» (*oblique cues*) такого рода, слушатель может прибегнуть к прямым утверждениям о своих собственных областях знаний или о их недостаточности, или задать говорящему конкретные вопросы. Такие констатации позволяют сделать выводы о потенциальных источниках сбоев в разговоре и в дальнейшем избежать их.

3. Английское *hint*

В основе семантики этой английской лексемы лежит идея запрета в сочетании с необходимостью все-таки сообщить, «донести» кому следует: «Вопрос не в том, делаю я это или нет, могу или не могу открыто сказать об этом; вопрос в том, что, даже если я открыто говорю, что это именно то, что я подразумеваю, я не подразумеваю этого, говоря именно **это** (ср. «It is true that, if I hint, I must not openly say what it is that I hint – if I do, then I am not hinting at all. But if, in saying e.g. *Is our control system really effective?* I imply that bursars are not to be trusted, I could (I believe) with perfect propriety go on to say quite openly *I imply, of course, that bursars are not to be trusted*. The issue is not whether I do or do not, can or cannot, openly say this; it is that, even if I openly say that this is what I imply, I do not imply it in saying **that**. I imply it in saying *Is our control system really effective?*», (Warnock 1979: 143)).

Есть ситуации, в которых требование выглядит как сообщение о положении дел и воспринимается как «прямой намек» на свое желание, чтобы нечто произошло, ср.: «Мальчик, ты сел на мою кошку» со значением «Слезь моментально с моей кошки»; колоратурное восклицание «Какие у тебя грязные руки» конвенционально значит «Пойди и вымой руки», а не «Вот руки дяди Васи, действительно, — чудо какие грязные!» В таких случаях, по (Blum-Kulka 1989: 42), тоже можно говорить о намеке (*hint*), но не того же характера, что в случае с *sue*.

На шкале «назойливости намек» глагол *hint* квалифицируется как наиболее мягкая просьба или требование к адресату совершить некоторое действие. Например, *Здесь очень холодно* намекает на необходимость произвести логический вывод из неодобряемой ситуации и, скажем, закрыть окно или поделиться согревающим средством («The proposition expressed in the locution is distinct from the proposition to which the illocutionary point refers, but clearly some implicational relationship must be discoverable for the addressee: *It's very cold here*», (House, Kasper 1981: 154)). На втором месте — «сильный намек», содержащийся в предложении-вопросе *Почему окно открыто?* Пропозиция, выраженная такой локуцией, не идентична пропозиции, к которой относится иллокутивная цель (*illocutionary point*) высказывания, но связана с ней общими элементами ситуации («The proposition expressed in the locution is not identical to the proposition to which the illocutionary point refers but is related to it in that both have referential elements in common other than reference to either of the interlocutors», (House, Kasper 1981: 155)). Далее, по возрастанию настойчивости, идут 6 остальных способов попросить о том же, но уже без намека: *Ты можешь закрыть окно?* < *А ведь ты можешь закрыть окно* < *Мне бы хотелось, чтобы ты закрыл окно* < *А закрыл бы ты окно* < *Я должен*

попросить тебя закрыть окно < *Прошу тебя закрыть окно* < *Закрой окно, дрянь такая!* (там же).

Важнейшим же свойством намека–просьбы (*requestive hint*) является его элиминируемость, или устранимость (*deniability*), т. е. возможность легко сделать вид, будто намек и не было, или даже прямо это сказать, не унижая иллокутивного достоинства своего собеседника («[...] *hint bears a high deniability potential... the potential to deny illocutionary and propositional components of the request assigned to it, grounding the denial in the utterance meaning of the hint*», (Weizman 1989: 94)). Ведь можно просто не понять, что данная фраза содержит намек и даже прямо отказаться выполнить нескрываемое требование, но при этом искренне или театрально отказаться приписывать нужное значение предложению просящего.

4. Интернационализм *allusion*

Эта лексическая единица пришла из латинских руководств по риторике в английский, французский, немецкий, русский и др. узусы. Аллюзия — метафорическое отношение, возникающее, когда один текст вызывает в памяти другой, независимый текст, живущий своей собственной жизнью. Это образ, созданный в результате метафоры в сознании читателя («the metaphorical relationship created when an alluding text evokes and uses another, independent text. Neither the reference nor the referent, it consists in the image produced by the metaphoric combination that occurs in the reader's mind», Pasco 1994: 13). Аллюзии лежат в основе интертекстуальности (см. Wagner 1996: 282), то есть «any textual exploitation of another text» (Pasco 1994: 5). А большие словари аллюзивных выражений, имеющие старую традицию в европейской лексикографии (см. Urdang, Ruffner eds. 1986: 42), помогают вовремя и кстати блеснуть чужой эрудицией.

Для аллюзивности существенна нечеткость в разграничении понятий, презумпция, что высказывания бывают понятными не всем носителям языка, а только посвященным, «видным знатокам» («Le discours allusif convoque dans le texte produit, à travers une certaine combinaison de ses marques, un univers de discours qui appartient à savoir supposé partagé par les membres d'une même communauté socio-linguistique. Cette convocation beaucoup plus subtile, que le discours rapporté – parce qu'elle n'est pas annoncée comme telle et qu'elle fait appel à la connivence des protagonistes – sera appelée allusive, non pas dans le sens de «flou», [...] mais dans le sens de «rappel direct d'un possible univers de discours». [...] le discours allusif est un rappel pouvant faire émerger une connivence, jamais obligatoire», (Charaudeau 1983)).

Любовь к риторической аллюзивности может распространяться как на очень узкие круги посвященных (это своеобразный ритуал ухаживания за единомышленниками, см. Rosaldo 1973: 222, подобный подношению редких цветов), так и на широкие. В любом случае, при аллюзии исходят из наличия определенных общих коммунальных (common) знаний, подобно местам и предметам общего пользования в коммунальных квартирах. Аллюзии должны пониматься слету: этому учат классики красноречия (напр., Du Marsais 1730: 127), иначе вместо наглядности и разъяснения они препятствуют пониманию, и вместо игры слов становятся орудием пытки (Du Marsais 1730: 188): о загадках китайской принцессы Турандот мы еще помним.

От научных сочинений требуют максимальной эксплицитности: вместо намеков вещи должны быть названы только своими, желательно уникальными, именами, а чем меньше расплывчатости, тем лучше.

Однако то, что кажется сегодня кристально ясным детально сформулированным, выглядя как «определенные дескрипции» (*definite description*), завтра, в иных обстоятельствах прочтения оказывается всего лишь намеком на истину (ср. Bogusławski 1977: 172). Более того, задаваемый вопрос (в том числе, и формулировка научной проблемы) может содержать аллюзию (ср. Diller 1984: 104) — намек на то, каким бы спрашивающий хотел увидеть ответ. Возможно, потому столь заманчивы предсказания пророков.

5. Заключение

Концептуальный аппарат, предложенный И. М. Кобозевой, позволяет проанализировать материал различных языков. Русскому слову *наме́к* соответствует несколько английских лексем, характеризующих различные степени кооперированности коммуникантов при распутывании скрытых, поразному вербализованных смыслов речи.

Литература

- Кобозева И. М. 2007. *Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике* [Электронный ресурс]: учеб. пособие. URL: <https://textarchive.ru/c-2253239-pall.html> (дата обращения: 31.03.2025).
- Кобозева И.М., Лауфер Н.И. 1988. Об одном способе косвенного информирования. *Известия АН СССР. Сер. Лит.и яз.*, № 5, 462–470.
- Bäcklund I. 1989. Cues to the audience: On some structural markers in English monologue. In B. Odenstedt, G. Persson (eds.) *Instead of flowers: Papers in*

- honour of Mats Rydén on the occasion of his sixtieth birthday, August 27, 1989.* Stockholm: Almqvist & Wiksell, 29–39.
- Bennett A. 1978. Interruptions and the interpretation of conversation. *Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Vol. 4, 557–575.
- Blum–Kulka Sh. 1989. Playing it safe: The role of conventionality in indirectness. In Sh. Blum–Kulka et al. (eds.) *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood (New Jersey): Ablex, 37–70.
- Bogusławski A. 1977. On the uniqueness condition on definite descriptions and their differentiation. In F. Daneš, D. Viehweger (Hrsg.) *Probleme der Textgrammatik: II*. Berlin: Akademie, 159–172.
- Charaudeau P. 1983. *Langage et discours: Éléments de sémiolinguistique (théorie et pratique)*. Paris: Classiques Hachette.
- Diller A.–M. 1984. Réponses indirectes par implicature. P. Attal, C. Muller (éds.) *De la syntaxe à la pragmatique: Actes du colloque de Rennes, Université de Haute-Bretagne*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 95–115.
- House J., Kasper G. 1981. Politeness markers in English and German. In J.–G. Savard, L. Laforge (éds.) *Actes du 5e Congrès de / Proc. of the 5th Congress of L'Association Internationale de Linguistique Appliquée. Montréal août / August 1978*. Québec: Université Laval, 150–178.
- Michaels S., Reier D. 1981. Establishing conversational cooperation. *Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Vol. 7, 178–191.
- Pasco A. H. 1994. *Allusion: A literary craft*. Toronto etc.: University of Toronto Press.
- Ringle M.H., Bruce B.C. 1982. Conversation failure. In W.G. Lehnert, M.H. Ringle (eds.) *Strategies for natural language processing*. Hillsdale (New Jersey); London: Erlbaum, 203–221.
- Rosaldo M. 1973. I have nothing to hide: The language of Ilongot oratory. *Language in Society*, Vol. 2, № 2, 193–223.
- Urdang L., Ruffner F.G. Jr. (eds.) 1986. *Allusions – Cultural, literary, Biblical, and historical: A thematic dictionary. 2nd ed–n*. Detroit (Michigan): Gale.
- Wagner P. 1996. Oscar Wilde's «Impression du matin» – an intermedial reading. In P. Wagner (ed.) *Icons – texts – iconotexts: Essays on ekphrasis and intermediality*. Berlin; New York: Gruyter, 281–306.
- Wallat C. 1984. An overview of communicative competence. In C. Rivera (ed.) *Communicative competence approaches to language: Proficiency assessment: Research and application*. Clevedon; Avon: Multilingual matters, 2–33.
- Weizman E. 1989. Requestive hints. In Sh. Blum–Kulka et al. (eds.) *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood (New Jersey): Ablex, 71–95.
- Young L. W. L. 1980. Inscrutability revisited. *Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Vol. 6, 219–226.